

«И жало мудрыя змеи...»

Славянские формы прилагательных в XIX веке

© Е. Е. СЕРЕГИНА

В статье рассматриваются церковнославянские формы прилагательных, закрепившиеся в русском литературном языке XIX века. Оценивается стилистический потенциал данных форм и степень их понятности для носителей русского языка.

Ключевые слова: церковнославянский язык, древнерусский язык, стилистические функции славянизмов, цитаты библейского происхождения, стихосложение.

The article surveys church-slavonic forms of adjectives fixated in the XIX century russian literary language. It also estimates the stylistic potential of these forms and the degree of their intelligibility for the native russian speakers.

Key words: (the) church-slavonic language, (the) Old Russian language, stylistic functions of slavisms, biblical-originated quotations, versification.

Церковнославянский язык передал русскому литературному языку часть адъективных форм всех трех родов, которые на протяжении XIX века с разной степенью активности использовались как в поэтическом языке, так и в прозе. Более того, некоторые из форм прилагательных славянского происхождения были закреплены в орфографии вплоть до реформы русского письма 1918 года. Архаичные формы прилагательных употреблялись в обычной для славянизмов стилистической функции – как средство создания возвышенного слога, для воплощения комического эффекта, а также для речевой характеристики персонажей. При этом более детальное рассмотрение архаичных форм прилагательных показывает, что их использование названными функциями не исчерпывалось.

В церковнославянском языке в форме родительного падежа единственного числа полных прилагательных женского рода использовались флексии *-ья, -ия*, которым в древнерусском языке соответствовали окончания *-ыѣ (-оѣ), -ѣѣ*, позднее изменившиеся в *-ой, -ей*: *добрѣя, синѣя* (цсл.) – *добрѣѣ (-оѣ), синѣѣ* (древнерусск.) – *добрѣй, синей* (совр. русск.). На раннем этапе восточнославянской письменности распределение древнерусских и славянских форм прилагательных зависело от жанра письменного памятника. Прилагательные, оформленные согласно древнерусским нормам, обычно не допускались в канонические тексты, написанные на церковнославянском языке, но были употребительны в оригинальных произведениях, например, в летописях. В литературном языке XIX в. встречаются искусственно образованные прилагательные, окончания которых формально совпадают с древнерусскими, но таковыми по происхождению не являются: «Да образ *пречистые* богородицы *Тихвинские*...»; «*Даваны они (земли) были дому Живоначальные* троицы иными вкладчиками...»; «В летние месяцы много богомольцев притекает на поклонение ...на Успеніе *пресвятыя* богородицы...» (Мельников-Печерский. На горах).

Церковнославянские формы прилагательных на *-ья* во множестве использовались в русском литературном языке до конца 30-х гг. XIX века [1. С. 107]. В более позднее время их количество сокращается, но они не исчезают совсем, так как традиционно поддерживают высокий слог на грамматическом уровне: «И жало *мудрѣя* змеи В уста замершие мои Вложил десницею кровавой» (Пушкин. Пророк); «Иль тянет тебя из *земныя* неволи Далекое светлое небо к себе?..» (Жуковский. Море); «*Болтливыя* молвы не требуя похвал, Я подвиг бытия означил тесным кругом» (Вяземский. Уныние). Выступая в качестве маркированных книжных единиц, адъективные формы в поэтическом слоге выполняли и версификационные задачи. В статье «Мысли на дороге» Пушкин писал, что русский стих нуждается в разнообразии рифм: «Рифм в русском языке слишком мало, одна вызывает другую» [2. С. 354], а наличие выбора между двумя формами прилагательных (русской или славянской) с фонетически противопоставленными окончаниями расширяло возможности рифмовки.

Нельзя также исключать, что прилагательные с церковнославянскими флексиями при декламации звучали выразительнее за счет произнесения конечного гласного, который в русской флексии редуцировался. То, что в флексиях на *-ья* гласный скорее всего произносился, свидетельствуют издания с дореформенной орфографией, которые сохраняют старые адъективные формы женского рода в именительном падеже множественного числа с омонимичными окончаниями: «И вы забыты мной, изменницы *младыя*, Подруги тайны моей весны *златыя*» [3. С. 259]. В стихотворной строке рифмуются прилагательные женского рода *младыя* (им. п. мн. ч.) и *златыя* (род. п. ед. ч.), в этом случае предпочтение церковнославянской формы родительного падежа объясняется «техническим» требованием стиха – форма *младыя* «просила» рифмы прилагательного со славянской флексией.

Или другой пример: «Краснеет даль главой *кудрявья* рябины, И гриб и груздь под соль идет, И сушится запас *душистыя* малины, И щебетливые собираются в отлет Куда-то за море касатки...» (Ф. Глинка. Услуга от медведей). Строки стихотворения «привязаны» к земным заботам и представляют собой бытовую зарисовку, значит, содержательная сторона не нуждается в поддержке архаичных форм, но тем не менее прилагательные *кудрявья* и *душистыя* используются с церковнославянской флексией. В собственном смысле данные словоформы рифмами не являются, так как их окончания приходятся на внутренние, а не на заключительные стопы стиха. Но можно считать, что эти прилагательные составляют внутреннюю, неточную рифму, акцентированную и за счет маркированных (славянских по происхождению) форм, и за счет произнесения гласного в их флексии.

Конечно, не все случаи употребления архаичных форм прилагательных можно объяснить с позиции их участия в качестве стилистического или версификационного средства, это упрощало бы картину их реального употребления: «Моим подругам завещаю Воспоминание ночей, Утраченных у ног Венеры В лесах *веселья* Цитеры (Пушкин. Мое завещание); «Кто ж пастушок? Прямой пастух! Под тяжестью густой овчинки Он скрипом *хриплья* волюнки Немилосердно режет слух!» (Вяземский. Прелести деревни). Прилагательные *веселья*, *хриплья* употребляются в контекстах, далеких от возвышенных тем, они не рифмуются с другими словами, а сами лексические единицы носят нейтральный или сниженный характер.

В прозе славянские формы прилагательных закрепляются за определенным кругом слов и выражений, связанных с церковной традицией, или используются в тех случаях, где эта традиция обыгрывается, последнее особенно характерно для арзамасцев: «Инока же схимника Арсения господь от *напрасныя* смерти соблюл...»; «...тогда заступлением *пресвятыя* богородицы избег он руки мучителей...» (Мельников-Печерский. В ле-

сах); «В потоке Липецком омой остатки *беседныя* скверны, сей грубой коры, которую не могут никогда проникнуть лучи здравого рассудка...» (Документы «Арзамаса»).

Славянские прилагательные на *-ья* и порядковые числительные, совпадающие с ними по форме, закрепились и в титулатуре: «Наше же село... получило основание от господ Луповицких, именно ж от генерал-поручика и кавалера Стефана Феодоровича Луповицкого, бывшего в царствование *блаженныя и вечнодостойныя* памяти Екатерины Алексеевны *Первыя...*» (Мельников-Печерский. На горах).

В пушкинских черновиках сохранился перевод с церковнославянского на русский Жития Саввы Сторожевского, исходный текст которого содержал пять примеров форм прилагательных на *-ья*: *Святыя* Обители *Пресвятыя* Богородицы, от Обители *Святыя* Троицы, храм *Пречистыя* Богоматере, в церкви *Пресвятыя* Богородицы [4. Л. 23–23 об.]. В переработке Жития Пушкин в трех случаях заменяет славянские формы прилагательных на русские с флексией *-ой*: *Пресвятой* Богородицы (2 р.), *пречистой* Богоматери; одна форма дается вариативно – *свят[ья] ой* обители, и сохраняется одно прилагательное первоисточника – от обители *святыя* Троицы [5. С. 87–88]. Черновик перевода церковнославянского жития показывает процесс работы над текстом, из которого очевидно, что не всегда жанр произведения или тема предписывали соответствующую форму. Безусловно, поэт в определенной мере следовал сложившейся традиции (высокий жанр – высокое слово) и оставлял в переводе архаичные формы, но прежде всего он был свободен в творческом выборе. А возможность выбора как раз и обеспечивала литературный язык, сохраняющий наряду с современными формами их славянские дублеты.

В современном русском языке в адъективных формах мужского рода единственного числа именительного падежа под ударением пишется древнерусское по происхождению окончание *-ой*, в безударной флексии ему соответствует славянское по происхождению окончание *-ый*: *святой*, *добрый*. В церковнославянском языке вне зависимости от ударения имена прилагательные в этой форме всегда выступают с окончанием *-ый*: *святый* *и*, *добрый*. В литературном языке XIX века славянская флексия прилагательных с ударным *-ый* обычно используется в тех случаях, когда слово соотносится с церковно-книжной традицией, чаще других с заимствованным окончанием выступает субстантивированное прилагательное *святой*: «Тамъ *святой* иночествовалъ въ безмолвіи» (Пушкин. Житие Саввы Сторожевского); «*Пресвятой* голубь пречистым крылом коснулся сердца твоего, Дунюшка, – сказала Марья Ивановна» (Мельников-Печерский. На горах). «*Святой* дух своею благостью, видимо, ведет тебя на путь истинного знания...» (Там же).

В пародийно-игровой манере арзамасцев славянская форма прилагательного на *-ый* использовалась как отрицательное прозвище А.С. Шишкова – *Дед Седый*: «*Дед Седый*, встревоженный сновидением, снаряжался к походу; *Дед Седый* восседает на месте адского козла, пред ним сожигаются творения, драгоценные Вкусу...» (Документы «Арзамаса»). Кстати, и датировка протоколов «Арзамаса» сохраняет славянизированную форму винительного падежа порядковых числительных, окончания которых совпадали с флексией полных прилагательных: «...от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц *вторый*»; «... в месяц *шестый*» (Документы «Арзамаса»).

В церковнославянском языке прилагательные при существительных могут использоваться в функции обращения, при этом для полных форм прилагательных вокатив морфологическими средствами не передается, т.е. именительный падеж и звательная форма совпадают: *честный отче* (зват. ф.) и *честный отец* (им. п.). Примеры «старых» звательных форм (существительное и прилагательное с ударным *-ый*) нередко встречаются в литературных произведениях XIX века, причем эти конструкции сохраняют исконное вокативное значение: «Ересь, *святой* владыко, сущая ересь; Давно, *честный* отец, Хотелось мне тебя спросить о смерти Димитрия царевича» (Пушкин. Борис Годунов); «Кто ее воспитывал, кроме Тебя, *Всеблагий* Боже...» (Лесков. Соборяне). Как видно из примеров, формы прилагательного и существительного могут полностью соответствовать церковнославянскому вокативу (*святой владыко, всеблагий Боже*) или существительное дается в современном варианте – *честный отец* (а не *отче*).

В литературном языке сохранялась еще одна церковнославянская форма прилагательного среднего рода им.-вин. падежей множественного числа с флексиями *-ая, -яя*, которым соответствуют современные окончания *-ые, -ие*: «Начнут князя с ангелом поздравлять, “ура” ему закричат, певчие “многая лета” запоют» (Мельников-Печерский. Старые годы); «...“он” {...} способен произвести дебош, бежать к соседям и рассказать им вся *сокровенная* головлевских дел» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Согласно одному из правил церковнославянского языка, одинаково звучащие словоформы единственного, множественного и двойственного чисел на письме должны расподобляться, для этого выработаны принципы дифференциации – буквенные замены или замены с помощью надстрочных знаков (ударений). В церковнославянском языке прилагательные среднего рода на *-ая* совпадают с прилагательными жен. рода ед. числа именительного падежа и с формами двойственного числа мужского рода, напр.: *младая* (ж. р. им. п. ед. ч.) – *младая* (ср. р. им.-вин. п. мн. ч.) – *младая* (муж. р. им.-вин.-зват. п. дв. ч.). При этом в форме единственного числа над гласным ставится знак острого ударения, во множественном

и двойственном – камора, особый вид ударения, маркирующий данные формы. Обратимся к конкретному примеру из воскресного тропаря 3 гласа – *Да веселятся небесная, да радуются земная* – прилагательные *небесная* и *земная* являются формами множественного числа среднего рода. Употребляясь без существительных, они предстают с обобщенным, собирательным, значением, т.е. перевод будет таким: да веселится *все небесное*, да радуется *все земное*. При твердом знании орфографических особенностей церковнославянского языка носитель русского языка сразу же поймет, что в церковнославянском тексте формы *младѣя или земнѣя* с каморой над ударным гласным точно не относятся к единственному числу.

В русском литературном языке при отсутствии специальных средств разграничения совпадающих словоформ, церковнославянская форма прилагательного среднего рода множественного числа стала восприниматься как прилагательное женского рода, что проявилось и в согласовании: «Он ехал отдохнуть на две недели и в самой *святой святых* народа, в деревенской глуши...» (Л.Н. Толстой. Анна Каренина); «– В какую *святая святых* всего моего существования вторглись вы!» (Бунин. В ночном море).

Большинство форм прилагательных среднего рода на *-ая* сохраняется в цитатах библейского происхождения: «Как тать ночной, тайком, хаживал я к нему в Кудрино (...) Я знал вся *внутренняя* его. Умер он от воспаления твердой оболочки мозга, хоть и лечился у такого важного врача, как я» (А.П. Чехов. Ал. П. Чехову). Выражение *вся внутренняя* восходит к первому стиху 102 псалма – *Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его*. Прилагательное среднего рода множественного числа в церковнославянском тексте используется в обобщенном значении, при переводе на русский язык *внутренняя* – это «вся моя душа» или «душевные силы». У Чехова при сохранении архаичной формы меняется само значение прилагательного, а равно и весь смысл исходной цитаты – *внутренняя его* относится не к области духовного мира, а к физиологии человека.

Для форм прилагательных среднего рода на *-ая* широко практиковалась замена флексии, даже в составе цитат: «Дмитрию, Александре Васильевне, Анне Ивановне, чадам и домочадцам *многие* лета» (А.С. Грибоедов. Н.И. Гречу); «Мое *святое святых* – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода...» (А.П. Чехов. А.Н. Плещееву). До 1917 г. форма прилагательного среднего рода – *прочая* официально удерживалась в императорском титуле: «Божиею милостию, мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая». Во всех других случаях сокращенное написание *и проч.* рекомендовалось читать как *и прочее*, т.е. с современным произношением [6. С. 129–130].

Каждая из рассмотренных славянских форм прилагательных занимала определенные позиции в системе русского литературного языка. Прилагательные мужского рода с ударной флексией *-ый* являлись наиболее прозрачными по своему устройству и выполняли свойственные славянизмам стилистические функции. Прилагательные женского рода ед. числа с флексией *-ья* выступали как полифункциональное средство: расширяли возможности рифмовки, так как имели совпадающие формы прилагательных женского и среднего рода мн. числа, отличались выразительностью на уровне фоники, использовались для слов любых стилистических разрядов. Их форма для носителей русского языка была вполне прозрачной, чего не скажешь о прилагательных среднего рода множественного числа типа *прочая, святая*. Они, скорее, являлись маргинальными формами, так как совпадали с прилагательными женского рода единственного числа и таковыми часто воспринимались, – потому включение в текст этих форм (как правило, в составе устойчивых выражений или цитат) нередко сопровождалось грамматическими аномалиям. Как показывает современная литургическая практика, и сейчас эти формы прилагательных носителями русского языка часто воспринимаются неверно, поэтому входят в так называемый перечень «классических» ошибок в восприятии церковнославянских текстов.

Литература

1. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.
2. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Критика и публицистика. М., 1976. Т.6.
3. Сочинения Александра Пушкина. С.-Петербург, 1838. Т.4.
4. Ростовский Дмитрий. Жития святых. Киев, 1695. Кн.2.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. М., 1997. Т. XVII (дополнительный).
6. Чернышев В. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Петроград, 1915.

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Москва